

ПРОЛОГ

Детей у меня не будет. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

И ни одно, даже самое звездное, медицинское светило ничего не может с этим поделаться. Максимум, на что эти чертовы профессора способны: сочувственно кивать головой. И мягко укорять:

— Вот если бы вы спохватились хотя бы на пяток лет пораньше... Забили тревогу при первых симптомах... А сейчас — слишком поздно.

И еще много всякой чуши про необратимые изменения и, увы, уже не юный организм.

Я не могу сказать, что мне так уж плохо без этих писклявых, капризных, хлюпающих носом созданий. Родительское счастье — это, конечно, класс, но дети — они ведь сковывают тебя по рукам и ногам. Сто раз подумаешь, прежде чем сорваться в срочную командировку или в приятный романтический отпуск. А так — у меня развязаны руки, в моем доме всегда чистота и вместо визга тихий Моцарт.

Еще, говорят, очень приятно, когда маленькое существо вдруг с абсолютной точностью повторяет твою гримасу или словечко. И сердце, рассказывают, тает, если малышня по вечерам, когда приходишь после работы, бросается в твои объятия...

Не знаю. Собственного опыта у меня не было, а гипотетически я представить не могу.

И, бывая на дорогих курортах, искренне сочувствую родителям, которые, вместо того чтобы спокойно кататься на лыжах или расслабляться на пляже, только и делают, что вытирают носы своим отпрыскам.

Нет. Дети — это, наверное, не для меня.

И хорошо, что у меня их нет. Что в моем доме спокойно, чисто и еле слышно играет Моцарт.

Только иногда, под его беспечные мелодии, такая накатывает тоска...

1996 год

Бизнес в России — занятие для самоубийц. Покушения, подставы, наезды, обман, вымогательство... И противопоставить всему этому можно лишь собственную трезвую голову, шустрого главбуха и проверенный коллектив. Еще нужна личная служба охраны — чтоб ее шеф был предан тебе, как собака. Или — как сын. И конечно, ежемесячно откидывать десять процентов от прибыли в резерв — на случай, если придется откупаться.

Он всегда чувствовал: однажды это случится. И когда в головной офис и во все четыре филиала нагрянули «Маски-шоу», даже особо не испугался. Это можно было предвидеть. Сами виноваты: слишком в последнее время зарвались. Зря за прошлый квартал нулевой баланс сдали. И семьдесят «мертвых душ» — инвалидов — записали в штат тоже зря...

— Не волнуйтесь, — успел шепнуть ему главный бухгалтер. — Не докопаются. В офисе один чистяк, а «черные» балансы — в надежном месте.

Да он и сам понимал: прорвемся. Если что и смогут им приписать — так только неуплату налогов. А налоги в России одни дураки платят. И нарушителям максимум, что грозит, — официальный штраф да пара взяток.

...Даже странно, что по окончании обыска менты посмели потребовать: проедемте, мол, с нами.

— На каком основании? — нахмурился он.

— Скоро узнаете, — последовал загадочный ответ.

Он только пожал плечами. Примитивный приемчик. Пугалка для подростков.

Пока его везли, он решил, что на допросе в меру покается, в меру поплачется. И намекнет, чтоб не тянули кота за яйца, а сразу бы сказали, кому давать и сколько.

Но следователь — молодой, прыщавый, красноглазый — про налоги даже не пикнул. И прямо с порога заговорил о другом. О действительно серьезных делах, что в последнее время провернула корпорация. О партии «Лансеров», которые удалось толкнуть практически без растаможки. О «Самсунгах», что уже пару месяцев успешно ввозились в Россию под видом «копилок керамических, артикул такой-то». И о последнем приобретении его корпорации — заводике в Нижневартовске, бывшая госсобственность, директор которого совсем недавно исчез в неизвестном направлении.

Это уже было куда тревожнее. Тем более что директор того заводика покоился где-то в сибирских лесах — иных подробностей начальник охраны не рассказал.

Линия защиты элементарная: отрицать. Все отрицать.

— ...А ведь вы зря отпираетесь, — ласково обратился к нему юный следователь. — У нас и все документики на руках, и свидетели имеются...

Понты. Кривые понты.

И он продолжал в ответ на бесконечные вопросы лишь пожимать плечами, а потом следователь милостиво позволил ему покурить и сказал, что пепельница на подоконнике, и он подошел к окну и вдруг увидел, что внизу, в пыльном казенном дворе, стоит и тоже курит человек, который ему прекрасно знаком. И на лице его играет мстительная, но неуверенная улыбка.

А следователь — хоть и молод, но уже режиссер — с напускным сочувствием произнес:

— Да, мил-человек, работка с кадрами-то в вашей корпорации не поставлена...

— В смысле? — дернул плечом он.

— Что уж вокруг да около ходить! — хмыкнул следак. — Все равно узнаете... *Сдали* вас. Со всеми потрохами.

— Кто?

— Да начальник вашей охраны и сдал. Тот, что во дворе курит.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Ваши коллеги утверждают, вы ему, как собственному сыну, доверяли. Было такое?

— А вам что до того?

— Ему за убийство директора того заводика пятнадцать на строгом грозило. А согласился сотрудничать — пятериком отделается. Может, и условно. Так что советую и вам оказывать активную помощь следствию.

— Не надо меня на пушку брать.

— Не имею такой привычки, — парировал следак. И задумчиво протянул: — Странный вы. Седой, а до сих пор не усвоили, что в бизнесе никому доверять нельзя...

Он снова взглянул в окно.

Его начальник охраны по-прежнему стоял во дворе следственного отдела. И закуривал уже вторую сигарету.

А следователь проследил за направлением его взгляда и с напускным участием сказал:

— Понимаю его. Сдал шефа, а теперь, бедняга, нервничает: вдруг мы свое слово не сдержим? Вас под подписку выпустим?

...И в голове вдруг промелькнула недавняя картинка. Как праздновали на работе его юбилей и как начальник охраны, слегка смущаясь, провозгласил тост за шефа. Который лично ему — как отец.

Что ж.

Семь в бизнесе и правда не бывает.

**Наши дни.
Семья Шагуриных.
Максим**

Мой папа любит пошутить: «В семье не без урода».

Урод получаюсь я. Потому что одна сестра у меня — литературовед и кандидат наук, вторая — училка и молодая мама... ну, а я — профессиональный теннисист. К тому же неудачник.

Я дико завидую Роджеру Федереру.

Он, кто не в курсе, — один из самых крутых на планете теннисистов. Уже много лет в пятерке лучших, а в последние годы вообще первый в рейтинге эй-ти-пи, да еще и с офигенным преимуществом. Натуральная элита.

Роджер богат, но его крутизна не в этом. Подумаешь: по особняку в каждой цивилизованной стране, с десяток гоночных тачек и полный лопатник золотых кредитных карточек. Не в деньгах, говорят неудачники, счастье, да и я, с нашей многодетной семьей, уже привык без большого бабла обходиться.

Федерер — везунчик, потому что все время выигрывает. Всегда. «*Кому же из теннисистов удастся остановить Роджера? Кто сможет прервать победную серию из ста матчей?*» — восклицают спортивные комментаторы. Но только волнуются и предрекают они тщетно. Никому, как ни старается народ, обломать швейцарца не удастся, он всех громит и громит... Максимум — первый сет сольет, зато потом в такую ярость приходит, что самые дерзкие ему под ноль продувают. А выиграть сто матчей подряд, без единого поражения — вы хоть представляете, что это такое? Ведь слово «турнир» — это только звучит мощно, будто надо играть и играть, а на деле — лишь несколько удачных партий, и вот она, корона! Чтобы взять Большой шлем, нужно всего-то победить в восьми матчах.

Но сколько народу, сотни, тысячи, десятки тысяч

честолюбцев напрасно об этом мечтают?! Вон англичане целый фильм сняли под названием «Уимблдон» — как житель Соединенного Королевства побеждает на пресловутом турнире. Надеялись, наверно, что своих спортсменов к свершениям подхлестнут — из современных-то англичан Уимблдон еще ни одному не покорился! Но только зря старались — их звезда, Тим Хенман, дальше полуфинала ни разу не прошел. И все другие англичане тоже на почетный титул лишь зубами клацают. А у Федерера этих Больших шлемов — уже целая комната, минимум пять сервантов. Стоят себе, пылятся, подставляют бока под тряпки лощеных горничных. И наверно, его даже не радуют. Чему, действительно, радоваться, когда кубки можно уже на вес продавать? Мил ему из них, наверно, только первый...

А мне — хотя бы один такой! Или даже половинку, четвертушку, хотя бы одну восьмую!..

Для начала я согласен, конечно, на приз куда проще. С турнира любой серии, любой категории и минимального призового фонда. Лишь бы выиграть, лишь бы стать первым! Эти кубки, чтоб их, мне уже снятся, преследуют, мерещатся...

Но только что говорить!

Я — теннисный неудачник. Я до сих пор не выиграл ни одного турнира, школьное первенство, турнир в доме отдыха и соревнования на теплоходе, конечно, не в счет. А ведь большой теннис для меня любимее всего на свете. Милее вкуснящей маминой жареной картошки и даже Милки Безуховой из десятого «Б».

Семья у нас хотя формально и многодетная, но маленькая. Две сестры, я, папа, мама, бабушка — она живет в Подмосковье и наезжает редко. Еще на юге, в Краснодарском крае, живет ее бывший муж, папин отец, известный приколист. А больше и нет никого. Ни дядюшек, ни тетюшек. Один дядя Митя, папин брат, был — и тот давно умер. Так что нашим воспитанием занимаются исключительно родители. И в спорт в раннем детстве предки меня отдали не для рекордов, а чисто для того,

чтоб я гармонично развивался. Я мелким-то чахлый был и носом вечно хлюпал — как, впрочем, все московские дети. Вот в пять лет меня уже и сбагрили — на плавание, в лягушатник при детской поликлинике. Я там быстро освоился, без труда научился держаться на воде и полюбил подныривать под девчонок, соратниц по тренировкам, и хватать их за ноги. Те противными голосками визжали, жаловались родителям, и меня, нарушителя спокойствия, из лягушатника живо поперли. И тогда предки отправили меня в обычный, уже взрослый бассейн. От соплей к тому времени я излечился, занятий не пропускал, резиновую шапочку дома не забывал, но только с тренершей, как сейчас помню злобную очкастую тетеньку, у нас все равно любви не сложилось. Никаких сил не было исполнять ее тягомотные указания: в бассейн — только по свистку, в воде — не шевельнись. И плавай не по дорожкам, а как последний придурок, по мелководью — малым детям иного не положено.

Меня этот террор просто бесил, с очковой тренершей мы состояли в постоянных контрах, и каждый раз, когда после вечерних тренировок меня забирал папа, она начинала катить баллоны: что я из всей группы самый бесперспективный, бестолковый, неспособный, несносный и не годный к спортивной борьбе... И все отцовские речи, что в бассейн меня отдали вовсе не для спортивной борьбы, а для гармоничного развития, разбивались об ее гнусную ухмылку.

Так что с плаванием вышла нескладуха, и из секции меня тоже очень быстро поперли. Уж сейчас-то, надеялся я, родаки от меня точно отстанут. Начнут без ограничений выпускать во двор, и я буду спокойно лазить со всеми нормальными пацанами по подвалам и гонять мяч внутри заброшенной хоккейной коробки. Но упорные предки — далось им мое гармоничное развитие! — не сдавались. И в этот раз засунули меня еще хуже — на фигурное катание.

Это была полная катастрофа. Я хотя и совсем мелкий был, к тому времени только пошел в школу, в подго-

товительный класс — но ведь не без глаз. Видел по телику это фигурное катание неоднократно. Когда мужики сами по себе катаются — еще туда-сюда, хотя все эти костюмы с блестками, как у «снежинок» в детском садике, — сущий кошмар. Но когда парни пляшут в парах... И приходится волочить на себе противных девиц, подбрасывать их, ловить, тащить за собой по льду... А при этом еще самому прыгать и вертеться волчком! В общем, занятие для полного дебила.

И к тому же непонятно, победил ты или продул. Решают не голы, не скорость, не время, но противные, с сердитыми лицами, судьи. Разве это соревнование — так, балет какой-то.

— Хочу в хоккей! — умолял я родителей.

Но был готов согласиться и на конькобежный спорт, и на легкую атлетику, и даже на керлинг.

Только легкой атлетики в нашей округе не было, как, впрочем, и конькобежного спорта, на керлинг брали с восьми лет, а хоккейная секция оказалась платной, причем просили за нее, как я понял по расстроенному папиному лицу, очень изрядных денег. А у нас в семье, я уже говорил, с этим делом всегда было неважно. Что вы хотите: кроме меня, еще две сестры, и мама — учительница в обычной школе, а у папы — одно имя чего стоит: Климент. В честь красного маршала Ворошилова. Да и по профессии он — последний романтик, геолог...

И хотя отец мне наболтал, что в хоккейной секции нету мест, я прекрасно понял: он просто не может за нее заплатить. И я пусть и мелкий, а врубился: *нормальный спорт — в хоккей играют настоящие мужчины* — он и стоит нормальных бабок. А кто победнее — иди на дурацкую *фигурку*.

— Разговор на эту тему закрыт, — строго сказал папа. — Будешь ходить на фигурное катание. Все.

— Поближе к дому и ценою подешевле... — прокомментировала отцовское решение сеструха Машка.

Наверняка это не ее слова, а из какой-то книжки, она у нас любит шибко умной прикинуться и вечно, ко-

гда ни глянь, над своими фолиантами горбатится. И ее, прошу заметить, ни на какое фигурное катание не волокут.

А другая сеструха, Аська, сказала так:

— Да не горюй ты, Макс. Подумаешь, фигурное катание! Скажи спасибо, что в музыкальную школу не отдали.

И Аська, конечно, железобетонно права. Потому что куда лучше чертить коньками всякие развороты-елочки, чем пиликать на скрипке бесконечные гаммы.

Но, на удивление, с фигуркой у меня дело пошло. Тренер оказался мировецкий — особо не давил и даже орал только в исключительных случаях (когда, например, я на спор взялся костер прямо на льду разжечь). Никаких костюмов с блестками, к счастью, шить не пришлось. И таскать на себе девчонок — тоже. Много занимались в зале нормальными мужскими делами: турник, шведская стенка, брусья, конь. Бегали. Прыгали. Иногда за всю тренировку на каток вообще не выходили. «Зачем форсировать? — не совсем понятно говорил тренер. — Лед — он как женщина, которую раскрыть надо...»

Про соревнования да про спортивные перспективы тренер тоже не упоминал. Не разделял нас, как злосчастная тренерша по плаванию, на перспективных и ничемных. Хвалил даже толстого Ваську, который за целый год так и не научился приседать в пистолетике. А мое почти идеальное вращение и, как говорили девчонки, самый красивый перекидной прыжок во всей группе, наоборот, не выделял. Сдержанно говорил: «Приемлемо...»

И потому я очень удивился, когда однажды после занятий меня вдруг подозвала к себе важная тетенька. Она представилась заслуженным тренером, рассказала, что наблюдает за мной несколько тренировок подряд, и завела уже подзабытую с плавания песню про перспективы.

Я слушал настороженно, потому что большой

спорт — это, во-первых, как говорит папа, для тупых. А во-вторых, очкастая тренерша из бассейна намертво вколотила мне, что я — бесперспективный и вообще полное дерево. И в-третьих, если всерьез заниматься фигуркой, на соревнования ездить — это ведь придется костюмы с блестками шить?!

Я честно изложил свои сомнения важной тренерше. Она в ответ басисто, по-мужски, расхохоталась. А отсмеявшись, выложила: шить блестящие костюмы мне однозначно не придется. Потому что зовет она меня, оказывается, совсем не в фигурку. А в большой теннис.

— Он-то здесь каким боком? — обалдел я.

Ну, она и объяснила. Что, оказывается, какое-то исследование было с известными теннисистами в качестве подопытных кроликов. Выясняли, откуда чемпионы вырастают. И определили, что для стопроцентного чемпионства совсем не нужно ребенка прямым ходом в теннис вести. Сначала — на годик в бассейн, потом — на пару лет на фигурное катание. И только потом в теннис. Вроде бы с таким багажом сразу начинаются нечеловеческие успехи.

Я, врать не буду, загордился. Получается, предки со своим *гармоничным развитием* меня в потенциальные чемпионы готовили?!

И тут же дал тетеньке свое согласие: готов, мол, предать фигурные коньки в угоду корту, ракетке и мировой славе.

Только уже когда шел домой, подумал: а ведь я лоханулся. Кто в нашем классе теннисом занимается? Кирилл и Миха, а их обоих родаки на иномарках к школе подвозят. Это считается спорт элитный, знай деньги выкладывай — одна ракетка, по слухам, кучу баксов стоит, не говоря уже о кортах и тренерах. А у нас семья честная и малообеспеченная. И что скажет папа, когда я сообщу ему, что вместо скромной и почти бесплатной фигурки самовольно перешел в крутейший большой теннис?! Он, конечно, купит мне и ракетку, и мячи, но ведь у сестры Машки, я сам видел, зимние сапоги развалились. А у

Аськи с самого рождения сердце слабенькое, ей нужно на платные процедуры ходить и каждый год в санаторий ездить.

Но родаки, против ожиданий, наезжать на меня не стали. Им, оказывается, уже позвонили — и не откуда-то, а из Академии высшего спортивного мастерства. И сообщили, что в теннисную секцию меня, во-первых, берут бесплатно, а во-вторых — никаких дополнительных расходов тоже не будет. У них якобы полно спонсоров, и они даже ракетки на халяву предоставляют. И струны к ним. И мячи. Такая вот поддержка для талантливых детей. А я, по наблюдениям басистой тренерши, таким и оказался.

— Но только с ребенка, готовьтесь сразу, три шкуры будем драть. Две тренировки в день, ездить далеко и один выходной — в воскресенье, — предупредили родителей.

— Максим не захочет. Он лентяй, — честно признались они.

Но я, упоенный блестящими перспективами, на все сложности согласился. Пообещал, что ни одной тренировки не пропущу. А неизменные папины подколы — про тупых, как пробка, спортсменов — пропустил мимо ушей. Мамино жалобное: «Максимушка!.. А ведь тебе тяжело будет!..» — тоже проигнорировал.

И о своем решении почти никогда не жалел.

Может, только пять лет назад, когда порвал связки на левой ноге и полсезона провалялся по больницам. Или когда я уже играл на уровне мастера — никак не получилось стабильно подавать с первого мяча, и года на два ко мне прилепилось прозвище: «*Второподачник*».

Но в целом большой теннис — это супер. Это даже не спорт, а настоящее искусство. Ничего общего, например, с тупым боксом. Или с глупой беготней по кругу. Или прыжками в длину или в высоту. В теннисе ведь, чтобы победить, надо быть не просто сильнее, или шустрее, или прыгучее. Марат Сафин, мой кумир, не зря говорит, что главное здесь — мозги. Все время приходится

думать — похлеще, чем в шахматах. Постоянно решать задачки — и на ближайшую перспективу (как выиграть этот конкретный мяч), и стратегические (как измотать противника, чтобы он сам сдался). Здесь и психологом нужно быть, и артистом, и шпионом — в том смысле, чтобы держаться, как Штирлиц, чтоб ни один гад твоих истинных намерений не разгадал...

Хотя в чем-то и отец прав. Я не то что, конечно, туп, но всяких Овидиев и Иосифов Волоцких, в отличие от старшей сестрицы, цитировать не в состоянии. Зато стабильно подаю со скоростью двести километров в час и весьма силен в игре на задней линии. У сетки, правда, дело похуже, но в мужском теннисе это не главное, у нас сеточники наперечет, один Фабрис Санторо и известен.

По всем параметрам — молодость, рост, быстрота реакции — мне давно пора ездить по настоящим турнирам и побеждать. Пусть не в финалах, а хотя бы во втором-третьем круге. Но я до сих пор не выиграл даже фьючерса или сателлита (это, если кто не знает, такие микротурнирчики для очень молодых, с минимальным призовым фондом).

И почему так происходит, почему мне хронически не везет — не может объяснить никто. Даже Михалыч — мой нынешний персональный тренер.

Пацаны, правда, говорят, что это из-за того, что я, типа, бедный. В смысле, у меня ракетки не специально заточенные под руку, а только те, что дает спонсор. И струны заурядные. И кроссовки обычные, безо всяких навороченных супинаторов. И специальных диет для меня никто не разрабатывал, и особых, безопасных, пищевых добавок мне не прописывал. И тренируюсь я меньше, чем богатеи. Только ранним утром и на тех кортах, что подешевле...

Кто спорит: когда в тебя большие бабки вкладывают, как в Машу Шарарову, успех и правда приходит быстрее. Но даже без диет и особых струн: неужели я не дозрел до первого, пусть скромненького, кубка?! С са-

мого заурядного, на городском стадионе какого-нибудь Череповца, турнирчика?!

Но нет.

Я легко побеждаю, когда играю с пацанами из моей спортшколы. Да что там: я даже у Михалыча, когда мы рубимся на счет, — и то часто выигрываю. Но только стоит приехать на самый заваливающий турнир — тут же меня ступор охватывает. И я немедленно «сливаю», если не в первом круге, так во втором... То ли сглазили, то ли я просто слабак.

Счастливый человек — Роджер Федерер. Не потому, что богатый, а потому, что знает вкус победы.

Маша, старшая сестра

Моя американская подруга Синди Хартворт — счастливый человек. Не потому, что богачка (хотя папа у нее директор банка, от чего я бы тоже не отказалась). А потому, что живет, как считает нужным, без оглядки на общественное мнение. И занимается любимым делом.

Мы с Синди познакомились в Интернете, на одном из болтливых сайтов. Сначала просто чатились, потом обменялись аськами, а теперь и вовсе — ведем ежедневную переписку по мылу, как заправские любовники.

Нас с ней и правда объединяет любовь. Мы обе — молодые, красивые, умные и постоянно говорим о своих чувствах. Но только чувства наши не совсем такие, как положено юным девушкам. Мы с Синди бесконечно обсуждаем в Интернете не мужчин, не новую серию помад от Диора и не очередной альбом «Пинк». Вы будете смеяться, но мы говорим о литературе!

Вот такие оригиналки. Или, говоря языком обывателей, — полные дурочки.

На книжки меня «подсадили» родители — очень рано, мне едва четыре года исполнилось. В это время как раз родилась сестрица, Аська. Малышка, как сейчас

помню, у мамы с папой получилась забавная — голубоглазая и даже не очень крикливая. Одна беда: родилась она слабенькой, ее то и дело таскали по больницам, и тут уж, ясное дело, им было не до меня. А ведь Аську не только лечили, но и пеленки ей стирали, и готовили, и гладили, и убирали за ней, и укачивали, и купали, и выгуливали. И было ужасно обидно, что мне от родителей — никакого внимания. Вот мама, педагог, и решила добиться, чтобы я развлекала себя сама. И, левой рукой укачивая Аську, правой показывала мне карточки с буквами...

Наука оказалась нехитрой, и через месяц занятий я уже триумфально по складам читала «Тараканище» и «Репку». А еще через пару недель традиционные детские книжки меня устраивать перестали, и мама, недолго думая, сунула мне «Тома Сойера»...

Врать не буду: поняла я тогда в нем немного. Но атмосферу, *ощущение*, ухватила. Никакого сравнения с тем, когда киношку смотришь! В телевизоре и городок совсем не такой, и тетя Полли неживая, и Гек Финн — малость чокнутый... А когда читаешь — все совсем по-другому. Правильно. Настоящее американское захолустье, и школьная скука, и страх, который охватывает на кладбище, — все по-настоящему...

С тех пор и пошло: я наотрез отказалась от «Спокойной ночи, малыши» и даже от мультиков. Традиционные детские книжки, все эти глупые сказочки и стишки, меня тоже интересовали мало. Как можно читать напечатанную крупными буквами ерунду, когда в большой комнате — полные шкафы настоящих, аппетитно пахнущих пылью и приключениями книг?!

Мама с папой сначала пытались меня *направлять*, только никак за мной не поспевали. Я читала настолько быстро, что всю «Библиотеку приключений» перелопатила еще до школы — и стала подбираться к Бальзаку и Драйзеру.

Родители сначала спорили, позволять ли ребенку, то есть мне, читать «взрослую» литературу, но очень бы-

стро просто махнули на меня рукой — лишь попрытали разные фривольности типа «Манон Леско» или «Милого друга», да и то под такой ненадежный замок, что я легко отпирала его ключиком от чемодана.

Школьная программа по литературе у меня вызывала только смех. И некое изумление пополам с надменностью в адрес одноклассников. Как они могут читать «Лукоморье» аж в семь лет, да и то из-под палки? Или называть «Капитанскую дочку» последней лажей?! Со всем, что ли, без мозгов?! Я-то прочла Полное собрание сочинений Пушкина еще сто лет назад, только ранние стихи и письма не осилила.

— Ты у нас молодчина, — хвалили родители.

Плохо им, что ли: ни развлекать дочку не надо, ни над подарками задумываться — знают, что я за любую новую книжку краковяк станцую.

А еще мама с папой агитировали:

— Ты, Машенька, свои знания обязательно используй, чтобы в жизни пригодились. Может, тебе писательницей стать? Пушкин вон тоже с раннего детства все подряд читал...

Я очень смущалась, когда меня ставили на одну доску с самим Пушкиным. Да и вообще — становиться писателем мне совсем не хотелось. Зачем, если столько всего уже написано? Каких только приключений писатели не изобрели, каких только чувств и страстей не описали... Куда уж еще я полезу со своими идеями!

Гораздо интереснее читать. Знать. Пересказывать друзьям. А еще — это я только к старшим классам поняла — уметь книги сравнивать и анализировать. Вот, например, любовь, вроде бы универсальное чувство. Но только какое оно разное, скажем, у Ремарка — и у Нодара Думбадзе. У Мураками — или у Норы Робертс. У Чехова — или у Чарской...

У меня в голове — тысячи фамилий. Я с легкостью перечислю библиографию любого мало-мальски значимого автора. И даже зачитай мне отрывок, я, скорее все-

го, назову, кто его написал. Или *какому автору* создатель текста подражает.

В общем, не девушка, а ходячая груда знаний. Только в современной жизни мои таланты, увы, абсолютно неприменимы. Ну кому сейчас нужны люди, которые перечитали миллионы, не побоюсь этого слова, страниц?! Где таким, как я, добывать хлеб насущный?

Можно, конечно, пойти работать в читальню. Тут уж я, в отличие от школьной библиотечарши, которая не может в трех писателях Толстых разобраться, точно не опозорюсь. Только какой в этой службе интерес? Подавать книги, убирать книги — что-то вроде официантки...

Можно еще в училки податься, как мама. Бесконечно вбивать в лентяев и неучей про Грушницкого и Максим Максимыча — и страдать, что твоего любимого Лермонтова горе-ученички в лучшем случае прочитают в хрестоматийном изложении. К тому же в школе — шум, гам и очень маленькая зарплата.

Ну и третий вариант — самый лошениый, самый эстетичный и элегантнейший: стать литературоведом. Остались еще в стране институты, где на них учат.

В один из таких я и поступила.

Учиться оказалось легко и очень, просто дьявольски интересно. Красный диплом и приглашение в аспирантуру дались мне без труда. Оказалось, что я, даже в сравнении с продвинутыми однокурсниками, девица более чем толковая. Ну и что с того?

Теперь у меня есть профессия. Шикарная. Непыльная. Интеллигентная. И абсолютно бесполезная. Да, если у тебя папа, как у моей американской подружки, директор банка... Или, на крайний случай, если ты живешь в тех же Штатах... Там литературоведы, конечно, не шикуют, но и от слова «Крайслер» в обморок не падают. И купить в кредит загородный коттедж запросто могут. И путешествуют хоть только раз в году, но по всему миру.

А что у нас?

Зарплаты младшего научного сотрудника хватает

ровно на сто хлебных буханок. Плюс бесплатные цветы от нерадивых студентов (думают, наивные, что я от трех розочек настолько раскисну, что зачет автоматом поставлю). Плюс репетиторство, но наш институт далеко не самый престижный, и потому за учеников на кафедре идет настоящая драка.

Перспективы тоже не самые радужные. Есть, конечно, шанс к сорока годам защитить докторскую и даже дорасти до профессора... только что с того? Ну, будет мне хватать не только на хлеб, но и на масло. А где взять отдельную квартиру — не вечно же ютиться с родителями? Как посмотреть мир? Да и метро своей монументальностью и толпами уже достало...

И потом: хоть я уже и взрослая дама, но в голове еще сохранились «детские тараканчики». И иногда вдруг такая тоска накатывает: что, право, за жизнь! Сплошь книжки, выдуманный мир, а на работе — непонятные, мелкие интриги, и дома — вечная картошка с дежурными сосисками и все те же лица по телевизору... А кто-то в это время, скажем, спасает людей. Совершает гениальные открытия. Рискует. Или хотя бы просто влюбляется. До дрожи в коленках, до полного затмения. А я так и живу один на один со своими книгами. Вот и накатывает: может, ошиблась я со своей «непыльной», «интеллигентной» профессией? Может, стоило куда-нибудь в МЧС пойти? Или в стрингеры?!

Тем более что профессия литературоведа в нашей стране нынче вызывает только насмешки. Мои одноклассники — сплошь бухгалтеры, экономисты, журналисты глянцевого журналов, личные водители и даже стриптизеры — над моим выбором откровенно посмеиваются. А Колька Рыжий — сколько я ему сочинений на общественных началах понаписала! — и вовсе меня третирует: «С твоими мозгами, Машка, нужно бизнес делать! А ты фигней занимаешься...»

Но беда в том, что мне совсем не хочется делать бизнес. Я не умею этого. И не хочу. А как свидетельствует

весь мировой опыт, если берешься за какое-то дело через силу, то однозначно прогоришь.

Вот в Америке, рассказывает моя подруга Синди, литературовед — это вполне круто. Не хуже полицейского и почти так же престижно, как доктор. По крайней мере, когда на Крисмас¹ съезжается вся их большая семья, включая малознакомых двоюродных тетушек и дядюшек, на нее все смотрят с уважением. Малышня и вовсе заглядывает в рот и поголовно собирается поступать на тот же факультет, что и «тетя Синди».

Почему бы тебе, Masha, не перебраться в нашу страну? — пишет подруга. — Хотя бы на время? Ты уже кандидат наук, у тебя есть научный опыт, и с иностранным языком неплохо. А получить grant в области литературоведения не так и сложно, это ведь не программирование...

Синди — молодец. Хотя и литературовед, а американской практичности у нее не отнять.

И с недавних пор я начала серьезную охоту на западный грант. Веду переписку с американскими университетами, занимаюсь по учебнику TOEFL², готовлюсь к тесту GRE³. Но только пока желающих пригласить меня — на все готовое! — в американский вуз не нашлось. В одном месте, правда, мне бесплатную учебу предложили, но только из каких, извините, шишей за общагу платить? И за учебники? И кушать на что, если работать иностранным студентам в первый год запрещено?!

— Но ты все равно дерзай, дочка, — говорит мама. — Упорство города берет.

¹ Рождество (англ.).

² Test of English as a Foreign Language — экзамен, успешная сдача которого дает право на учебу и работу в США.

³ Graduate Record Examination — экзамен, состоящий из задач по математике, логике, а также из сложных текстов по английскому языку. Его сдача необходима для поступления в американскую аспирантуру и для работы преподавателем в высших учебных заведениях.

А папа к моей «американской мечте», наоборот, относится скептически:

— И охота тебе, Машка, к этим буржуям? Лучше бы тут, в России, себе мужа нашла.

Папа — он как все мужчины. Думает, что выйти замуж — это вечная мечта любой девушки. Только мне туда совсем не хочется. По крайней мере, пока. Или, если совсем честно, пошла бы, только не за кого.

Принцев на белом коне в поле моего зрения не встречается. Хлюпиков, коими полон наш институт, я сама отшиваю. А недавно у памятника Пушкину ко мне браток прицепился. Настоящий, будто из фильма про *бригаду*, — с бычьей шеей, перстнями и голдовой цепурой, как сказал бы мой брат. И туда же: кандидатов наук цеплять! Начал петь, что всю жизнь мечтал познакомиться с интеллигентной, такой, как я, девушкой. Ну прямо анекдот: «Златая цепь на дубе том...» — «Знаем, знаем, тоже Некрасова читали».

Я представила, что принимаю предложение братка. Переезжаю жить в его безвкусный, но богатый подмосковный особняк. И, босая и простоволосая, провожаю его на *стрелки*. А потом, всего в бланшах, встречаю с *разборок*. И он, когда мы бываем в ресторанах, заказывает для любимой *марухи* что-нибудь из Шуфутинского...

Ну и картинка! Меня сразу нервный смех обуял, я поспешила братка отбрить и ретироваться. И, как всегда, вернулась домой одна и без цветов...

Сестрица Аська — она-то уже давно замужем и даже ребенка растит — постоянно засыпает меня разного рода идеями, где найти достойного спутника жизни. То в дорогие спортклубы рекомендует ходить, то отираться, будто между делом, в крутых автосалонах.

Но дело в том, что я — вот дурацкая гордыня! — совсем не хочу ни за кем охотиться. Что за бред: качать штанги в тренажерном зале и косить глазом: с кольцом близлежащие джентльмены или без кольца! Или в автосалоне — не машины разглядывать, а мужиков. Не мое это. И потом: разве можно поймать в силки любовь?

Ведь пишут в одной из моих любимейших книг: она должна найти тебя сама. И поразить внезапно. Как поражает молния, как поражает финский нож...

Возможно, Masha, тебе повезет в американском университете, — пишет моя подруга Синди. — Я, конечно, пока замуж не собираюсь, но у меня нет никаких проблем с общением. Интересных во всех отношениях молодых людей в моем ближайшем окружении полно, и я вполне готова ими с тобой поделиться.

Хорошо им там, в этой Америке! Эх, хоть бы побыстрее до нее добраться!

Ася, средняя сестра

В нашей семье я считаюсь ранней пташкой. Из-за того, что очень несовременно, всего-то в двадцать три года, вышла замуж. В двадцать четыре — родила ребенка. И теперь пребываю в роли сумасшедшей молодой мамыши.

Мой сын Никитка — счастливый человек. И несмотря на свой несолидный возраст — всего семь месяцев, — хитрющий, как сто китайцев. Уже прекрасно знает, что, если завопить, его обязательно возьмут на руки. А если методично выплевывать кашу, то мама его пожалует и угостит куда более вкусным пюре из черники.

Этот малыш очаровал всех. Бабушка в свои законные выходные вяжет ему носочки, тетя (моя сестра) Маша, поборов свое презрение к глупым детским книжкам, с упоением читает вслух «Тараканище». И даже брат Макс, крайне далекий от воспитательных процессов, и тот уже купил племяшу дорожные кроссовки («Рибок» длиной одиннадцать сантиметров, просто со смеху умереть) и обожает катать вместе с дитем теннисные мячики...

А Никитка всеобщее поклонение охотно принимает. Заразительно смеется, когда его папа, даже не сняв

офисной рубашки, подкидывает его к потолку. И плевать ему, что рукава пижонской «Массимо Дутти» теперь в разводах слюней. Подумаешь, большая беда! Мама, то есть я, отстирает.

На Никитку я стараюсь не злиться, даже когда он в сотый раз подряд вышвыривает из кровати пластмассовый вертолет. (Кто не знает: когда плексиглас ударяется о паркет, звук издается ну очень отвратительный.)

Но я терплю и поднимаю. Что поделаешь, детишкам *полагается* расшвыривать игрушки, они таким образом развиваются. И потом, лучше в очередной, бесконечный раз наклониться за злосчастным вертолетом, чем ходить на нелюбимую работу.

Ведь если бы не малыш, я бы уже год как горбатилась училкой в начальных классах. Получилось, что Никитка меня выручил. Зачался очень грамотно — именно в тот момент, когда я находилась, говоря красиво, *на распутье*.

В педагогический институт я поступила по глупости. Из-за того, что мякина в голове. Будто не видела собственную маму, училку, какой она с работы приходит. И ни разу не слышала, как она на зарплату жалуется...

Меня же в *педик* затащила одна сплошная романтика. Все представляла, как первого сентября детишки соревнуются, кто подарит любимой учительнице самый красивый букет. Как упоенно, на едином дыхании, слушают мои объяснения у доски. Искренне радуются пятеркам. Поверяют свои секреты...

Ну и главное: я просто не знала, куда мне поступать. Хорошо сестре Машке — она свои книги обожает. А брат Макс сходит с ума по теннису. А как быть мне, если никаких особых интересов и предпочтений к семнадцати годам у меня не сформировалось?..

— В педагогический хотя бы попасть несложно, — резонно сказала мама. — Даже можно репетиторов не нанимать.

Это, конечно, немаловажно — лишних денег у нас в семье нет.

А папа — в своем репертуаре! — добавил:

— И жены из учительниц выходят хорошие. Умные мужчины специально в пединститут приезжают, чтобы пару себе найти.

Я тогда над папиным заявлением посмеялась, но оказалось, что он как в воду глядел. Мишка, мой муж, и правда пришел на нашу институтскую дискотеку, чтобы найти себе жену.

Мы встретились взглядами, он пригласил меня танцевать, потом поехал провожать до дому... В общем, начался роман. Я тогда думала — один из многих моих романов, потому что ни за какой замуж в столь раннем возрасте я, конечно, не собиралась.

Но Мишка взял меня измором. У какой девчонки силы воли хватит, если ей ежедневно дарят букеты? И стихи посвящают, и ждут после лекций, и упоенно фотографируют, а потом дарят оправленные в красивые рамочки портреты?!

Я-то, дурочка, думала, что он от любви ошалел: мы, будущие училки, — девушки крайне романтические. Но все оказалось несколько прозаичнее.

Мишка — он из Нижнего Новгорода. Когда мы познакомились, был уже на пятом курсе своей Финансовой академии. И прекрасно понимал: если не женится в самое ближайшее время на москвичке, придется ему возвращаться на историческую родину. А москвичку-то, да с квартирой, чтобы было где прописаться, охомутать непросто. Подкатись к какой-нибудь пижонской студенточке из МГИМО или МГУ — мигом пошлет. Вот он, чтобы не рисковать, и отправился искать жену где попроще, из будущих училок. Мы, как гласит народная молва, нетребовательные...

Я, правда, обо всем этом узнала уже сильно после свадьбы. Когда Мишка изрядно, после каких-то неприятностей на работе, подвыпил и взялся со мной откровенничать. Помнится, я очень оскорбилась: думала, наивная, что лишь своей неземной красотой да веселым

характером мужа приворожила... А оказывается — московской пропиской.

Но потом утешилась. Что сделано — то сделано. А муж из Мишки получился совсем неплохой. Хоть и без собственной жилплощади, зато не пьет, не курит, не гуляет, зарплату в дом несет. Плюс симпатичный и не дурак. Всякая ли может таким супругом похвастаться?

Плюс Никитку мне *сделал*. Именно тогда, когда нужно. В тот момент, когда я закончила институт, вышла на работу и поняла: быть учительницей — совсем не для меня. Шум, крик, другие училки смотрят волком, постоянно на нервах и никакой романтики...

Думала просто уволиться с позором — не выдержала, слабачка! — но, к счастью, оказалось, что нужно всего лишь дотерпеть до декрета. Дотерпела. Пообещала через три года вернуться... Но точно знаю: когда декретный отпуск закончится, в школу, сто процентов, не приду. Бедная мамочка, как она всю жизнь в этом дурдоме продержалась!..

Мне пока о работе — вообще о любой! — даже думать не хочется. Все силы на малыша уходят. Я так хочу, чтобы ему было хорошо! Хотя младенческие годы дети потом вспомнить не могут — все равно, пусть Никитка с первых дней растет в любви и комфорте, это сторицей окупится.

И не зря же я немного педагог! Со школой не сложилось, зато на раннем развитии собственного сына отыгрываюсь.

Я Никитку с младых ногтей воспитываю. Стремлюсь, чтобы он почаще смотрел на красивое. Ношу его в сумке-кенгуру в парк и на берег нашей районной речки-вонючки. Включаю ему хорошую музыку — и детские песенки, и Моцарта. Читаю, причем не обязательно примитивные потешки, он у меня уже и Пушкина слушает, и про старика Хоттабыча Лазаря Лагина. Мы с Никиткой даже рисуем — специальными детскими красками, он в них ладошку макает и потом елозит ею по листу ватмана. Еще я стараюсь, чтобы он пореже хо-

дил в подгузниках (в них детская кожа прееет). И пюре даю не из баночек, а готовлю сама, чтоб наверняка знать, что в нем нет вредных добавок.

В общем, никаких уже сил не осталось...

Помочь мне особо некому. Мишка сутками на работе. Мама с папой тоже. Свекровь со свекром в Нижнем Новгороде. Сестра Маша с братом Максом при своих делах. А няню мне, безработной, как возьмешь? Муж против: не хочу, говорит, чтобы сын с чужими людьми рос, да и денег лишних нет.

Вот и кручусь сутками одна.

Беда в том, что у нашего малыша бессонница. Самая настоящая, хуже, чем у иных взрослых. И как я ни бьюсь, он спит только по полчаса. И днем, и ночью. А ровно через тридцать минут просыпается. И плачет. Горько, безутешно и громко. И вместе с ним — особенно часам к пяти утра, когда *дика* хочется спать, — плачу и я. Потому что бабушка с дедом живут отдельно и ночами, хоть на часок, меня выручить никак не могут. А мужу, Мишке, в семь утра вставать на работу. И если ночи он будет проводить в компании орущего младенца, то обязательно наделает днем в своих важных документах кучу ошибок...

Сначала мы думали, что Никитку мучают колики. Потом, что его сглазили. Потом, что у него режутся зубки... Еще я где-то вычитала, что у маленьких детей нервная система несовершенна, процессы возбуждения уже развиты, а торможения нет.

Мы ждали, пока ему исполнится два месяца. Три. Четыре. Пять... Надеялись, что чудо вот оно, рядом, что малыш подрастет и перестанет плакать. Но не дождались.

Я постоянно жалуюсь на сыночка педиатру и невропатологу. Честно кормлю его прописанными таблетками. Но малыш ночами все ревет и ревет, а днями я уже шатаюсь от усталости и все с большим трудом нацепляю на лицо дежурную улыбку и выдерживаю с ним ласковый тон.